

Михаил Верби

Случайная история

Михаил Верби

Случайная история

<https://litres.ru/72924317>

SelfPub; 2025

Аннотация

Любовь, возникшая из случайной встречи в субботней поездке. Они негласно установили для себя странные, почти игровые правила: видеться раз в неделю, в новых местах неподалёку от Москвы; не спрашивать имён и прошлого; не обмениваются контактами. Всё, что связывает их, — обещание новой встречи, данное в последние минуты расставания. И в этой хрупкой, почти призрачной связи рождается нечто подлинное, когда каждый находит свой способ сказать о любви.

Содержание

1. Переславль-Залесский	4
2. Волоколамск	12
3. Калязин	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Михаил Верби

Случайная история

1. Переславль-Залесский

«Не помешаю...» – услышал он негромкое скорее утверждение, чем вопрос. Медленно поднимая глаза от вполне недурной солянки, обвел зал маленького для своей туристической славы кафе и, только убедившись, что других свободных столов нет, посмотрел на непрощенную гостью. Напротив него, уже поставив свой поднос на его стол, всем своим видом показывая, что вопрос был не более чем данью вежливости, отодвинув стул и готовясь сесть на него, стояла она. Узкие бедра в потертых джинсах. Свитер без горла грубой вязки, похоже, намеренно скрывающий верхнюю часть ее фигуры, иначе зачем носить его ранней осенью. Узкие запястья и красивые руки без колец и лака. Русые волосы, собранные в хвост, и приятное лицо с тонкими чертами. Но в тот момент все это прошло мимо него, отмеченное и запомненное скорее по привычке. А вот ее шея. Не то чтобы необычно длинная. Но резанувшая своей недосыгаемостью и статью, одновременно хрупкостью и близостью. Ее шея решила все дело. Расстаться с ней сразу же, очевидно, он не был готов.

«Конечно» – сказал он и наконец-то посмотрел ей в глаза. Ему показалось, что они были серые. Потом много раз он отмечал свою уверенность, что они голубые. Ее глаза были яркими и очень определенными. И большими. И да, красивыми.

«Хотите угадаю...» – сказала она с милой улыбкой, садясь за стол. «Хочу» – ответил он, «Но предложу пари».

– Если вы угадаете – я выполню ваше желание. Если нет – вы мое?

– Вот так сразу, любое желание, – улыбаясь шире, сказала она.

– Если вы здесь одна, почему бы и нет, – немного склонив голову набок и тоже улыбнувшись, ответил он.

– Ого, поаккуратнее.

– Да нет. Вы не так поняли, – предупредительно поднимая руку, ответил он. – Все проще: если желание будет моим, мы встретимся еще раз. Если вашим – то по вашему желанию.

– В таком случае вы рискуете больше, не зная, что я буду угадывать. «Я согласна», – сказала она, снова улыбнувшись.

– Отлично. Но я знаю, что вы собирались угадать, – усмехаясь, ответил он.

Ее улыбка стала шире, и в глазах появился живой интерес, на который он так рассчитывал.

– И что же?

– Может, поедите, а то все остынет.

– Нет уж, теперь говорите, – сказала она, сдвигая брови,

не перестав улыбаться.

– У меня, кстати, тоже остынет, – невинно заметил он.

– Ну быстро, только это, – легко взмахнув рукой, сказала она, уже понимая, что попалась на его простую уловку.

– Вы угадаете мою работу, вид деятельности...

– Нет! Я собиралась угадать...

– ...и не сможете! – перебивая, закончил он свой ответ.

Она перестала улыбаться и внимательно на него посмотрела. Он же широко открыл сияющие смехом глаза и постарался придать себе придурковатый вид.

– Вы преподаватель, нет, полицейский или маркетолог, – быстро выпалила она, по-прежнему хмурясь.

– И не коммерсант. Пять попыток... никаких шансов... или даже десять, – смеясь, отозвался он.

– Вы меня обманули, – ответила она, опуская глаза в свою тарелку. – Я буду есть, пока все совсем не остыло.

Минут пять они оба сосредоточенно ели, глядя в свои тарелки, будто не замечая друг друга. А потом, кажется, на рыбе под каким-то коричнево-оранжевым маринадом она сказала:

– Так, я виновата сама. Но легко у вас не получится. Мы дополним правила: выигрывает тот, у кого будут два правильных ответа. Если ничья – и у каждого по одному правильному или неправильному – то все при своих, а желания никто не выполняет. Договорились?

– А какой второй-то вопрос?

– Да такой же, но про меня, – разводя руками, демонстрируя очевидность и его вопиющую недогадливость, сказала она.

В ответ он так же, но непонимающе развел руками и покачал головой.

– Моя работа, кто я, где работаю!

Он печально посмотрел на нее, тяжело вздохнул и согласился.

Из кафе они вышли вместе. Она довольная собой, а он несколько расстроенный. И в виде компенсации, – "...все-таки именно она заварила эту кашу и потом поменяла правила", она согласилась на его предложение пройтись немного вместе. «Буквально до ближайшей достопримечательности – ведь очевидно, что они оба не местные и здесь с туристическими целями, что в этом городке еще делать, кроме как ходить да смотреть. Вон там дом, описанный во всех путеводителях, и неважно, вместе или отдельно мы до него дойдем. Все равно смотреть на него, как ни старайся сделать иначе, каждый будет своими собственными глазами».

Через десять метров молчаливой ходьбы он задумчиво спросил: «А как вас зовут?»

Она оценивающе посмотрела на него, немного задумалась и сказала: «Анна».

«Хм, довольно сложное имя», – отозвался он. – «Не из-за его палиндромности. И даже не из-за Чехова. Если на вкус..., фонетически или ощущенчески, если угодно». Она

ничего не ответила, думая о своем. И они молча, глядя каждый перед собой, прошли еще десяток метров.

– А хотите я расскажу вам историю для Анны, связанную вот с этим оставшимся нам вместе пройти кусочком улицы? От силы три минуты рассказа. Экскурсовод таких историй вам не расскажет, а идти в тишине даже несколько неудобно. На ближайшем углу мы попрощаемся, и, обещаю, сегодня больше не увидимся?

– Ну рассказывайте для Анны, – отозвалась она, слегка пожимая плечами и не замедляя шаг.

– Вот в этом доме. Да, прямо в этом – единственном кирпичном на той стороне улицы, жила семья священника, служившего в церкви неподалеку. В то время, да и потом, до самой революции, здесь было множество церквей, священнослужителей и постоянно приезжающих паломников-богомольцев. Хотя, пожалуй, нет, эту историю про местных лесных красавиц уже рассказал Куприн. А у меня и времени, и талантов несравнимо меньше. Давайте я вам короткую и оригинальную историю расскажу. Уже в наше время, ну как наше – в позднесоветское, была в этом городе организация жителей по интересам. Тогда бы, наверное, сказали «кружок по интересам». И располагалась она вон в том коричневом доме, мы до него скоро дойдем. А интерес у них был такой – они верили, что имя – это установка, программирующая жизнь человека. Фамилия тоже постольку-поскольку, дети за родителей отвечают, но имя особенно. Поэтому они, где воз-

можно, использовали не свои настоящие имена, а придуманные самими себе новые ФИО. Принципы придумывания были от «просто мне нравится» – так как чувствую, до «старинных учений» на эту тему. С учетом особенностей языка; истории; вселенная отвечает, когда к ней правильно обращаются; нужные вибрации при произнесении и все такое. Подтверждения тому: прозвища, погонялы, псевдонимы, даваемые за особые качества или заслуги. Но не от фамилии, профессии или места проживания. Эти люди продолжали жить и работать со старыми именами, а там, где нет официальной необходимости, например в новых приятельских компаниях, в неофициальных поездках, просто в поезде или на пьянке-гулянке, представлялись новыми именами. А потом сравнивали результаты и делились наблюдениями между собой. Некоторые со временем, убедившись, что теория работает, даже официально меняли свои имена, а то и фамилии на новые. Плюс для женщин была система поиска мужа с целью смены фамилии. Искался мужчина с нужной фамилией, точнее с нужными параметрами новой фамилии. А потом женщина старалась выйти за него замуж. В этом ей помогали другие участники кружка – помогали создавать ситуации для знакомства и другие условия для отношений.

«Это какие такие условия?» – улыбнувшись, спросила она.

«Потом расскажу, если захотите, а то уже почти дошли» – начиная говорить быстрее, ответил он и добавил, улыбнув-

шись: «...а ситуации для знакомства – это примерно, как наша с вами сегодня в кафе».

Еще использовали в быту, в семье, в своей компании новые или «уменьшительно-ласкательные» имена – более подходящие им, чем имеющиеся. Естественно, приходилось скрывать такие привычки, т. к. использование чужого имени всегда не было законно. Кроме бытовых/семейных прозвищ, конечно. Там же еще были люди, скрывающие свои имена по необходимости или хотящие их забыть сами для себя. Например, одна мамаша сама поставила диагноз дочери и самолечением довела ее до инвалидности. А был еще один дед, который бежал из сталинских лагерей и жил под другим именем с новой семьей. Эта семья, кстати, так и живет с его фамилией. Я хорошо знаю внучку того деда, да и ее мать тоже. Так вот, все они совершенно русские люди и внешне, и по характерам, при этом фамилия у них то ли латышская, то ли еврейская. А отчество у матери вообще Карловна. Ну ладно, вернемся к истории. Нас с вами, естественно, интересует имя Анна и последствия, с ним связанные...

«Не интересует» – твердо перебила она.

Он посмотрел на нее укоризненно: «Нам осталось два шага сделать, а новую историю я рассказать не успею».

«И не надо. Этой вполне достаточно» – сказала она, доходя до перекрестка и останавливаясь.

«Мы еще увидимся?» – с надеждой спросил он.

«В следующий выходной у меня Волоколамск» – броси-

ла она, поворачиваясь к пешеходному переходу и взмахивая рукой то ли в форме отказа, то ли на прощание.

«В какой выходной?!» – уже не скрывая разочарования, спросил он у удаляющейся спины.

«Всегда в субботу» – отозвалась она с середины дороги, так и не обернувшись.

2. Волоколамск

Было бы неправдой сказать, что он собирался всю неделю. Даже наоборот, о встрече вспоминал изредка, с неопределенным чувством. О том, ехать или нет, не думал совсем. Но, проснувшись утром в субботу, точно знал, что сейчас побыстрее соберется и сразу поедет.

Волоколамск достопримечательностями не богат. По сути, она одна – Волоколамский кремль. Он стоит на холме, и к нему от главной городской площади, где останавливается весь туристический транспорт, ведет единственная дорога. Потом он долго раздумывал: знала ли она, назначая встречу, об этой особенности, позволяющей не разминуться без указания точного места и времени. Или так вышло случайно. Теперь единственное, что зависело от него, – приехать туда не позже неё.

Уже на середине завтрака он начал нервничать: чертовы пробки, бесконечные субботние дачники, а если ремонт дороги или, упаси бог, перекрытие для проезда к местам отдыха бесчисленных чиновников. Даже не допив кофе и бросив всё, как было на столе, схватив только телефон и легкую куртку, быстрым шагом пошел к машине.

К десяти утра добрался в Волоколамск. Свое первоначальное место ожидания он выбрал в начале пригорка. Людей еще было мало, и оттуда полностью просматривались

парковки, и все основные подходы. Ему почему-то очень хотелось не просто увидеть ее первым, но увидеть заранее, пока она не видит его. И, наверно, тогда наконец-то полноценно ее рассмотреть.

По прошествии первого часа туристов заметно прибавилось. Рядом с ним и со входом в ближайшую церковь привычно заняли свои рабочие места профессиональные нищие. День обещал быть многолюдным и доходным. Они всё прибывали и прибывали, усаживаясь на бордюр и бесцеремонно перегораживая половину пешеходного прохода. Ему пришлось передвинуться дальше и выше. Оттуда все еще было терпимо видно, но совершенно некомфортно стоять на и без того узком тротуаре среди фонарных столбов и идущей в гору уже пыhtящей от натуги толпы. Вместе с неудобством пришли сомнения. За ними неуверенность и злость на себя. Потом на нее. Потом на всех вокруг и особенно задевающих его детей и обнюхивающих собак. Потом вроде отпустило. Потом снова и снова по кругу.

К исходу второго часа он плюнул и поднялся по лестнице на так называемую смотровую площадку. Оттуда можно было смотреть на город, но совершенно не были видны его цели. Это заставляло нервничать и злиться еще сильнее. Он продержался полчаса и наконец осознал, что это тупик и нужно экстренно менять свое отношение к происходящему.

День уже был осенне прохладным. По яркости солнца, зелени листьев и травы вполне летним. Воздух, как бывает

только ранней осенью, глубоко прозрачным и одновременно осязаемо звонким. Всевозможные мошки в последнем порыве взвились ввысь, на радость мечущимся там птицам. Неизменным галдежом сообщающим соплеменникам о прибывшей кормежке. Пауки, предчувствуя зимний простой, бросились выжимать из себя двойной объем паутины, которая, казалось, заполонив уже все свободные пространства, сорванная ветром летела во всех направлениях сразу и легко плюхалась ему на лицо, заставляя отирать его, как от мелких брызг.

Ждать и высматривать ее он не перестал. Но перестал загоняться, доверившись судьбе до этого к нему вполне благоклонной.

Спустился на площадь. Купил в ближайшем магазине воду и сигареты. Встал на том же перекрестке, на котором стоял первоначально. Но теперь через дорогу от попрошаек. Закурил. Видно было хуже. На другую сторону дороги приходилось смотреть поверх легковых машин, а грузовые и автобусы перекрывали на время своего проезда обзор полностью. Но теперь его это не пугало и не злило. Он смотрел и ждал.

Во втором часу дня откуда-то сбоку, совершенно неожиданно он услышал: «Здравствуйте! Я была уверена, что вы будете стоять именно на этом месте».

Он повернулся на голос, так и не поняв, с какой стороны она подошла, и облегченно выдохнул: «Привет, давайте где-нибудь посидим».

Сели на скамейку практически рядом с тем местом, где он стоял. На возвышенности, за спиной у памятника сидящего Питирима. Как будто вместе с ним, в составе его свиты, следящие за всем, что происходит на площади и дороге к кремлю. «Как здесь приятно сидеть и хорошо всё видно» – подумал он, – «почему же я, дурак, за столько часов в эту сторону даже ни разу не посмотрел?!»

Помолчали.

«Что будем делать?» —спросил он.

Можем посидеть здесь, и вы расскажите мне новую историю, – улыбнулась она, – а можем пойти в кремль и залезть на колокольню. Оттуда чудесный вид на окрестности.

«Я бы еще посидел», —немного смущенно сказал он.

А я бы послушала, – отозвалась она, – но только не такой треш, как прошлый раз.

Он озадаченно и смущенно: да вроде не было никакого особого треша. Я только торопясь рассказал... Сделал подводку к основной истории. А дальше было бы вполне романтично. Про Анну. Точнее, про двух Анн. Одна с настоящим именем, а другая с придуманным. И они обе влюбляются в одного, подходящего по разным их кружковым параметрам, мужчину. И в результате понимают. Или, наверное, понимают. Что дело не в имени и не во всех этих параметрах. И что, когда доходит до дела. В их случае до настоящей любви. Вообще без разницы, кто кого как называет, и тем более пишется в паспорте.

Она задумчиво: любви взаимной?

– Нууу... С точки зрения недействительности параметров. Это не имеет значения.

– Параметры победили любовь.

– Да нет же, наоборот!

– В истории наоборот. А в вас, очевидно, победили параметры.

Она смеялась. Смеялась над параметрами, над историей, над ним и над всем вокруг. А он был этому ужасно рад. Ему нравился ее смех. Нравилась она, когда смеется. И когда не смеется тоже.

– Ну что, будет новая история или хотите отделаться пострелизмом? – еще улыбаясь, спросила она.

– Будет, – уверенно сказал он, судорожно пытаясь придумать что-нибудь романтическое, и при этом не избито пошлое.

– Кстати, а в ваших историях есть правда, настоящие события и настоящие герои?

– Конечно. И герои, и события настоящие. Ну почти. Процентом на девяносто. Они настоящие, но не происходили в одном месте и в одно время. Я беру факты и составляю их в своем, интересном мне порядке. И, надеюсь, интересном вам.

А чтобы не было сомнений, – он провел перед собой открытой ладонью, отодвигая невидимую стену, – вот стопроцентно правдивая история. Полностью задокументированная и хранящаяся в архиве со спецпропуском. Един-

ственное, в чем не уверен, – возможно, она не происходила здесь, в Волоколамске. Но абсолютно точно была в таком же небольшом районном городке. Дело было в Советском Союзе, где-то в конце шестидесятых. И это было именно дело. То есть следователь возбудил дело и раскрыл преступление. Там всё невероятно, при этом чистая правда. Сейчас расскажу.

Приезжает полиция на место преступления, пардон, тогда милиция. Вызвали соседи на звуки выстрелов. В квартире обнаруживают мужчину с пистолетом, системы «Вальтер». Пришел к своей давней сожительнице, они поссорились, и он произвел два выстрела. Первый – предупредительный в потолок, второй – в нее с расстояния трех метров. Ну, то есть, спокойно, не в состоянии аффекта, без дрожи в руках – с такого расстояния промахнуться никак невозможно. Даже если пистолет в руки взял первый раз в жизни. Этот гражданин, очевидно, не первый. Его бывшая подруга – потерпевшая, тоже там, в квартире. Ранена в одну из ммм... грудных желез. Пуля прошла навывлет, повреждения легкие. Из квартиры изъяли две пули и две гильзы, все от этого «Вальтера». Таким образом, показания обоих участников совпадают, уликами подтверждаются. При этом почему потерпевшая так легко отделалась, совершенно непонятно. Дальше еще удивительнее. В груди этой женщины четыре пулевых отверстия. Два входных, два выходных. А на одежде этой женщины, на кофточке и лифчике, или что у нее там было, по одному входному и по два выходных. Именно от этих

пулю, подтвердила экспертиза. Спрашивается, как такое может быть?

Он сделал паузу и посмотрел на нее вопросительно.

– Видимо, я не ошиблась, предположив, что вы полицейский. Нужно мне было настаивать на этом варианте, – усмехнулась она.

– Нет-нет, какой я полицейский. Следователем на Петровке был мой отец. А у меня всего-то память хорошая. Я всего лишь читал его журнал «Следственная практика», который распространялся по всему Союзу для обмена следственным опытом. И только-то. Ладно, идем дальше.

По сути, главными детективами в этом деле оказались эксперты. По пистолету, пулям и гильзам они установили, что во время первого выстрела пуля застряла в стволе. Но выстрел был, и гильза вылетела. А во время второго выстрела, вторая пуля выбила из ствола первую. Но из-за этого они обе отклонились от первоначальной траектории второго выстрела. Более того, вторая пуля так и толкала перед собой перевернутую, пока они не попали в потерпевшую. Дальше из-за соприкосновения с одеждой они разделились и вошли в ее грудь, а потом вышли уже по отдельности.

Но мораль моей истории в другом. Эти двое сожителей – стрелок и его неудавшаяся жертва, после такого счастливого исхода столь трагических событий, вновь сошлись.

Посудите сами, увидеть направленный на тебя пистолет – одно это очень страшно. Если и не жизнь перед глазами

проносится, то подумать о многом успеваешь. Это проверено, гарантирую. Потом выстрел в потолок, не оставляющий никаких сомнений в дальнейшем исходе. Потом выстрел в тебя! Да она за эти мгновения не то, что с жизнью попрощалась – умерла несколько раз. И в итоге, о чудо, осталась жива. Не просто жива, а практически не ранена.

Сожитель ее, тоже не просто стрелял. Если у него так накалилось, так это жизни ему не давало. Так что он схватил пистолет и побежал ей смертью грозить. Значит или любил безумно, или изменила она. Или еще что, но очень важное для него, не только в части исхода, но и в части самого события, и доведения его до необратимого конца.

И вот они оба, пережившие все это. Пережившие ее смерть, ее убийство и ее воскрешение. Для них тогда совершенно невероятное и дарующее право на новую жизнь. Их общую жизнь.

Стрелка этого, конечно, закрыли на несколько лет за покушение и хранение оружия. Но она его, по крайней мере, дождалась. Что у них там было дальше, не знаю. Но сюжет однозначно достоин пера автора детективов или романиста. Хотя романтики и любовной линии сейчас маловато. Но это потому, что я вам второпях обстоятельства дела пересказывал, а не сердечную интригу развивал.

– Ну так и напишите этот детективный любовный роман, – как ему показалось, излишне серьезно сказала она.

– Да я же не умею, – также серьезно ответил он.

– А так сразу и не скажешь, – наконец-то улыбнулась она.

– Чтож, может, пойдём пройдемся, – предложил он, чтобы сменить тему.

Потом они гуляли по кремлю и даже поднялись на колокольню. Оттуда действительно был отличный вид. И было легко и свободно. Ее глаза сияли, а ветерок развивал волосы. И так же, как все вокруг было залито ярким солнцем, они были полны взаимным влечением, предвкушающим возбуждением и окружающей легкостью бытия.

Ему хотелось, чтобы они вместе пообедали. Но она отказалась, сославшись на позднее время и опасное незнание местного общепита. Но, оценив его расстроенный отказом и застарело голодный вид, согласилась на быстрый перекус с кофе.

«Макдональдс» был битком забит семьями с галдящими детьми. Пара ближайших кофеен предвещала продолжительное и нервное ожидание. В результате им показалось возможным купить по самой примитивной и даже подозрительной шаурме из маленького окошка на углу площади. Но свежий воздух, еще яркое солнце и желанная компания нивелировали явные недостатки потребляемого продукта. Они жадно ели, смеясь с набитыми ртами, уворачиваясь от капель соуса и сока, обильно текущих из худого восточного блюда.

Надеюсь, мы увидимся в следующую субботу, – вытирая руки платком спросил он.

Да, – просто ответила она, – мне почему-то кажется, что это будет Калязин. Не очень далеко для тебя?

Для тебя, для тебя, для тебя... – застучало в его голове. Да за это «для тебя» он был бы готов встретиться с ней где угодно. Хоть в Мурманске, хоть в Чите. Что уж там какой-то почти подмосковный Калязин.

Она, по-своему расценила его задумчивость, поспешно предложив: «Если это далеко, можем поближе. Есть другие предложения?»

Нет, – поспешно оживился он, – Калязин – это хорошо. Только давай, в этот раз оговорим время, а лучше и место. А то без этого, мне придется затемно выезжать.

Она засмеялась, немного наклонив голову. Потом, смахнув с лица мешающие волосы, сказала: «Там одна улица, не знаю, как называется. Но она прямая и ведет к берегу Волги. От того места самое близкое расстояние до колокольни, которая стоит в воде. Но давай встретимся не там, не на берегу. А на этой улице, а потом по ней пройдемся. Если ехать на машине из Москвы, на этой улице с двух сторон есть красные кирпичные дома. Они красные, поэтому я запомнила. Остальные там белые и серые. Среди них, с правой стороны, есть тоже красный, но маленький и какой-то очень нежный домик. Номер я не помню, но ты точно его найдешь».

– Конечно найду, – уверено ответил он, вспоминая свои сегодняшние метания по Волоколамскому холму, – а во сколько?

– От Москвы ехать часа три с половиной, если без пробок.

Давай в два дня?

– Давай.

– А знаешь, почему я выбрала этот дом?

– Нет, почему?

– Он такой, что ты придумаешь про него отличную историю. «Исторический», – рассмеялась она.

«Пока. До следующей истории», – сказала она, уходя, и, как ему показалось, а может только хотелось, махнула рукой в воздушном поцелуе.

3. Калязин

В Калязин он приехал заранее. Ему хотелось увидеть дом раньше их встречи. Познакомиться с ним, да и с остальным городом тоже. А еще он твердо решил в этот раз не пускать на самотек обеденную тему. Предварительно почитал отзывы, наметил для себя несколько подходящих мест, а потом проехал по ним, выбирая наиболее приглянувшееся.

Домик был действительно мил. Одноэтажный, кажущийся маленьким и поэтому еще более уютным в сравнении с близстоящими двухэтажными соседями. Стены сложены из красного, уже изрядно поеденного временем кирпича и покрыты выпуклым ленточным рустом. Уличный фасад в три окошка с белыми штукатуренными наличниками. И такой же белый цоколь. Венчал всё это фигурный аттик с круглым чердачным окошком. Непозволительной роскошью казался прилепившийся сбоку, сейчас полностью заросший палисадник за неплохо сохранившейся высокой кованной калиткой. Богатое убранство столь маленького строения однозначно указывало на былую принадлежность к чему-то более значимому.

Но самым невероятным и буквально приведшим его в восторг оказался неведомо как сохранившийся пяточок высокого густого кустарника, примостившегося через узкую дорожку прямо перед домом. Ничего подобного у всех других

домов на всей остальной улице не наблюдалось. Кустарник надежно скрывал домик от любопытных туристов, а внутри себя обычную деревенскую скамейку, на которой наверняка во все времена любили посудачить местные жительницы.

На ней он и устроился, перебирая в голове немногочисленные факты о доме и его жителях, услужливо предоставленные ему интернетом на предварительном этапе сбора исторической информации.

Он не собирался заранее придумывать историю, которую ей расскажет. Но еще больше не допускал возможности в очередной раз судорожно искать сюжет. Он был тронут и обнадежен ее доверием. И даже больше – тем, как ему казалось, незаслуженным авансом, выданным ей. Выбрав этот дом таким, какой он есть, указав его расположение, тем самым она назначила действующих лиц, основную интригу и завела пружину своих ожиданий на величину, им вряд ли преодолимую. Но куда ему было деваться. Во-первых, оно того стоило – он старался и завладел чем-то большим, чем просто ее внимание. А во-вторых, все свои истории, да и любые взаимоотношения с женщинами, он никогда не планировал. Не готовился, не повторялся, не подбирал слова и действия. Экспромт и вдохновение – вот на что он привычно рассчитывал.

Она появилась, как уже стало привычным, неожиданно и ниоткуда. В расстёгнутом светлом легком пальто, с невообразимым шарфиком или платком на шее, впрочем, по-

казавшемся ему очень к месту. И солнечных очках в волосах, несмотря на довольно плотную облачность. Остановилась, очаровательно улыбнулась, склонив голову немного вбок. Сказала: «Ну, здравствуй, это я» И уселась к нему на скамейку.

– Что будем делать – улыбаясь спросила она у мужчины, смотрящего на нее не мигая, – обед, или рассказ?

Ему не хотелось ничего отвечать, никуда идти, ничего рассказывать. Ничего кроме просто еще посидеть вместе. Что бы не уходило время и ожиданий, что бы не было никого и ничего вокруг. Что бы была только она, чтобы были они.

– Ммм... если ты не устала ходить, – встрепенулся он, сбрасывая оцепенение – давай пройдемся. Я тут уже насиделся. А историю расскажу по дороге, ее нужно рассказывать на ходу, двигаясь, она про все, не только по этот дом, но про дом тоже, с него все началось и закончилось, – сбивчиво проговорил он вставая. Встала и она, выйдя на дорожку в ожидании в какую сторону они пойдут. Он шагнул в право, потом повернулся, неуверенно двинулся в противоположную.

– Сегодня моя история будет про людей, про дочь людей, которые жили в этом доме, их много...

Она взяла его за руку. Взяла, как будто до этого так делала уже много раз.

Он не вздрогнул, не споткнулся, не остановился. Только как будто задохнулся на несколько секунд. И задышав снова буквально ощутив на вкус, буквально своими легкими,

всю свежесть сентябрьского воздуха, запах первой опадающей листвы, пыльной земли, старого кирпичного дома, старого города, ее духов, ее шарфа, ее волос, ее теплой руки.

– ... моя история будет про платяной шкаф, – неожиданно для самого себя выпалил он, мотнув головой в сторону оставшегося за их спинами дома – этот шкаф до сих пор там стоит, его видно в окне.

***

На момент своей постройки наш домик бы маленьким флигелем в составе городской усадьбы Калязенского купца Алексея Акимовича Коровкина. Согласись, какая потрясающая фамилия – Коровкин. Не Коровин и не Коровян. А такой старорусский летний деревенский Коровкин. Кстати, я был очень удивлен, но слово корова, оказалось славянских корней, и изначально означала буквально – рогатая. А Коровкин – получается значил – рогатенький.

Усадьба включала главный дом, этот флигель, ограду с двумя воротами и надворные постройки: водочный завод и оптовый винный склад. Все это было кирпичным, или как тогда говорили каменным. Построил он ее в 1880 году, и через десять лет умер. Купцом он был не в первом поколении, капитал семейный приумножал, дела вел размерено, на чужое на зарился, но и своё не спускал. Характер имел покладистый, к конфликтам не склонный. Поэтому неизменно состоял участником земских собраний, присяжным заседателем и даже Гласным городской Думы.

Была у него и другая недвижимость. Во-первых, конечно, дом в Калязине, в котором жила семья. Он на этой же улице, ниже к Волге, на площади. Неплохо сохранился, двухэтажный. Даже довольно оригинальный, за счет наличников разной формы и размера, на фоне строго выдержанных пропорций всего дома. В нем после революции размещался местный ЧК, а потом как водится детский дом, и школа. Мы уже скоро дойдем до него, сама увидишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.